

М. А. Трушина

ΜΙΜΗΣΙΣ В ПЛАТОНОВСКОМ «ГОСУДАРСТВЕ»

История термина «μίμησις» весьма насыщена. Начиная от времен архаики с их культами и ритуальными действиями, она тянется к древнегреческой трагедии и постепенно переходит в сферу философии. В ассоциативном ряду, связанном с этим термином, первой персоной от философии является Платон.

О Платоне написано и сказано много. Что неудивительно, ведь, собственно, Платон и открывает эпоху мысли, которую мы склонны называть рациональной, учитывая, конечно, то, что фигура его учителя Сократа дана нам опосредованно, т. е. не аутентично. Но извечная проблема разделения мыслей учителя и ученика встает здесь особенно остро по отношению и к самому Платону. Как обнаружить учение Платона за передачей сократовских бесед? При такой постановке вопроса нам, возможно, остаются в удел лишь тонкие историко-филологические изыскания. Но что, если предположить, что метод Платона заключается как раз в этом непрямом говорении? То есть в подражании? Но как же так, ведь Платон так яростно нападает на всякого рода подражания, на μίμησις как таковой! И это не единственное противоречие.

Платоновская теория подражания-мимесиса оказала огромное влияние на эллинистическую и римскую эстетику, да и вплоть до XVIII в. она оставалась крайне важной для самых разных теорий. Впоследствии она была «дискредитирована» романтиками, и это влияние романтизма оказалось столь сильным, что с опорой на него платоновское учение оценивают и по сей день. Отто Апелът писал, что идея подражания — не что иное, как «систематическое насилие над искусством», «лишение искусства всего его волшебства»¹. И многие современные работы написаны в духе оправдания искусства, якобы оклеветанного Платоном, и выискивания в его текстах все новых противоречий².

¹ Apelt O. Platonische Aufsätze. Leipzig; Berlin. 1912. P. 68–70. Цит. по: Verdenius W. J. Mimesis: Plato's Doctrine of Artistic Imitation and Its Meaning to Us. Leiden, 1972. (Перевод с английского наш; — М. Т.)

² См., например: Murdock I. The Fire and the Sun: Why Plato Banished the Artists. Oxford: Clarendon Press, 1977.

За многовековую историю изучения платоновского «Государства» и понятия *mimesis* к автору нему неоднократно предъявлялись упреки самой различной природы. И это не случайно. Как писал С. С. Аверинцев, «в облик Платона как мыслителя и впрямь входят многозначность и многосмысленность, подчас переходящие в настоящее интеллектуальное коварство»³. Рассмотрим основные «противоречия», которые можно найти в столь неоднозначном тексте платоновского «Государства».

1) Сама форма диалога противоречит платоновскому запрету на подражательность в искусстве. Платон описывает события, свидетелем которых он не являлся. Среди участников диалога «Государство» Платона найти можно лишь иносказательно — в лице его учителя Сократа и в лице его братьев — Главкона и Адиманта: «Славного Аристона божественный род — его дети» (368a). Так же, как и в других платоновских диалогах, мы сталкиваемся с проблемой отличия слов самого Платона от слов Сократа.

Диалог представляет собой сплошную прямую речь. Но ведь именно такой подход Платон осуждает в третьей книге, когда приводит в пример обращение жреца Хриса к Агамемнону из гомеровской «Илиады». «Если бы, сказавши, что пришел Хрис, <...>, Гомер продолжал бы затем свой рассказ все еще как Гомер, а не говорил бы так, словно он стал Хрисом, ты понимаешь, что это было бы не подражание, а простое повествование» (393d).

2) Каким образом Платон демонстрирует несостоятельность ложного уподобления? «Разбором уподобления истинного: примером, благодаря которому нам удастся уяснить себе значение справедливости для человека, оказывается государство»⁴. Платон пишет: «Справедливость, считаем мы, бывает свойственна отдельному человеку, но бывает, что и целому государству» (368e). Но гораздо удобнее рассмотреть ее действие на большем, подметив «в идее меньшего подобие большего» (369a).

3) Чтобы доказать то, что и после смерти справедливые люди получают должное воздаяние, Платон рассказывает миф о путешествии души «одного отважного человека, Эра, сына Армения, родом из Памфилии» (614b). Описывается загробный мир, полный ужасающих картин. Но ведь такие описания были запрещены в третьей книге как бесполезные для воинов: «Кто считает Аид существующим, и притом ужасным, разве будет тот чужд страха смерти и разве предпочтет он поражению и рабству смерть в бою?» (386b).

4) Но, пожалуй, наиболее существенным упреком Платону можно считать противоречие между третьей и десятой книгами. В первом случае Платон указывает на важность поэзии для воспитательных целей: она должна познакомить юношей с правильными мифами, а следовательно, и с правильными представлениями о благе, справедливости и т. д. Такое мусическое воспитание, «с малых лет незаметно делающее юношей близкими прекрасному слову и ведущее к дружбе и согласию с ним», будет подавать им правильные примеры героического поведения, которые, будучи созерцаемыми с раннего детства, направят их души к *подражанию* такому поведению.

Платон осуждает подражательные искусства как неподобающие стражам государства, так как делать по-настоящему хорошо можно только одно дело. Но тут же замечает, что «если уж подражать, так только тому, что надлежит, то есть сразу же,

³ Аверинцев С. С. Неоплатонизм перед лицом Платоновой критики мифопоэтического мышления // Платон и его эпоха: к 2400-летию со дня рождения. М., 1979. С. 91–92.

⁴ Маковецкий Е. В. Мимесис в платоновском «Государстве» // Античный мимесис: Сборник статей, посвященных памяти проф. К. А. Сергеева. СПб., 2008. С. 40.

с малых лет подражать людям мужественным, рассудительным, свободным и так далее» (395с).

В десятой же книге Платон осуждает уже всю поэзию как подражательную, второе удаленную от истины и изгоняет ее из идеального полиса по причине ее пагубного влияния на граждан. Получается, что Платон как бы забыл о том, что «неподражательная» поэзия полезна в воспитательных целях? Но тут же он говорит о том, что «в наше государство поэзия принимается лишь постольку, поскольку это гимны богам и хвала добродетельным людям» (607а). (Впрочем, можно отметить, что и они подражательны, так как они представляют характеры и действия богов и людей.) Таким образом, десятая книга не только противоречит третьей, но и содержит противоречия в самой себе.

В этом последнем пункте и находится средоточие всех платоновских «парадоксов» и «противоречий». К нему можно свести все «методологические» и «формальные» странности «Государства». Потому что в нем раскрывается отношение Платона к подражанию как таковому или, другими словами, статус художественного творения. Так каков он, этот статус? Быть поэтам и художникам в идеальном полисе или не быть? Противоречит ли третья книга десятой? Рассмотрим поподробнее.

Защитники высокого удела искусства от обвинений Платона закрывают глаза на весьма немаловажный факт: по Платону, не только искусство подражательно; не только поэзия сравнивается с живописью — она служит метафорой и философии. «Никогда, ни в коем случае не будет процветать государство, если его не начертят художники по божественному образцу» (500е), — пишет Платон, подразумевая под художниками философов — законодателей идеального полиса. В мире Платона не только художники подражают природе — ум подражает Идее Блага, как зрение подражает Солнцу. «Видя и созерцая нечто стройное и вечно тождественное, не творящее несправедливости и от нее не страдающее, полное порядка и смысла, он [философ. — М. Т.] этому подражает и как можно более ему уподобляется. Или ты думаешь, будто есть какое-то средство не подражать тому, чем восхищаешься при общении?» (500bc).

Как считает К. Дортер⁵, диалог «Государство» структурирован в соответствии с восходящей иерархией четырех «ступеней» бытия (уподобление, вера, рассудок и разум), которая, в свою очередь, соответствует движению от «теней» к Солнцу в мифе о пещере в седьмой книге. Седьмая книга — кульминация этого восхождения. И если на вершине этого восхождения Платон пишет о необходимости для философа миметического поведения, то неужто он действительно огульно порицает всякое подражание и творчество?

В целом можно выделить две стратегии разрешения платоновских противоречий. Первая состоит в различении понимания мимесиса в третьей и десятой книгах. Так, Н. Паппас считает, что в первом случае Платон имеет в виду мимесис в качестве «перевоплощения» («impersonation»); подражание здесь имеется в формальном смысле, как узкоспециальный термин, наподобие косвенной речи в современной филологии. Нарратив и мимесис отличаются по форме, но не по сути; как пишет Паппас, «мимесис делает поэзию более вредоносной, чем она была бы без него, но сам по себе такого влияния не оказывает, необходимо, чтобы персонажи были низменны сами по себе»⁶. Во втором же случае рассуждения о мимесисе невозможно понять без

⁵ Dörter K. The transformation of Plato's Republic. Oxford, 2006.

⁶ Pappas N. Plato's Aesthetics. The Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2008. <http://plato.stanford.edu/entries/plato-aesthetics/>

рассмотрения книг, следующих за третьей и излагаемой в них теории души. Именно после различения способностей души опасность подражания становится очевидной: «Никоим образом нельзя допускать, поскольку она подражательна. Это, по-моему, стало теперь еще яснее — после разбора порознь каждого вида души» (595a). Обнаружилось, что проблема не в том, что благородные люди подражают недостойному, а в том, что подражание как таковое вызывает душевный разлад. Когда искусство ловит нас в ловушку «похожести», нас, очевидно, отрезвляет разумная часть души, взывая к тому, что картина не есть реальная кровать, к примеру. Но в книге IV утверждается, что если душа стремится одновременно в разных направлениях, значит, имеет место конфликт между какими-то частями души (436ab). Следовательно, искусство влияет на неразумную часть.

В похожем ключе рассуждает и Дж. Тейт⁷, отвечая на вопрос, должны стражи идеального полиса подражать. Тейт разделяет два вида подражания: первый запрещен; он состоит в отождествлении себя с кем бы то ни было (можно вспомнить «перевоплощение», о котором писал Паппас). Такое отождествление разрушает однонаправленность стражей, мешает им хорошо выполнять свою задачу. К тому же подражатели, имея склонность к перевоплощению, будут представлять низменные качества. Второй тип подражания позволителен, более того, желателен. Это подражание с самого детства качествам, которыми должен обладать страж — мужеству, рассудительности, свободе. На первый взгляд это тот же самый мимесис; на самом же деле это подражание не иному, но своему собственному идеальному характеру, т. е. развитие собственной личности.

При таком подходе десятая книга оказывается логическим продолжением третьей. Здесь так же осуждается подражание в негативном смысле — подражание чужому нраву и образу. Не имея знания, можно изобразить только видимость, но не идею, не истинный образ кого бы то ни было. И это будет то самое подражание, второе отстоящее от истины (τρίτον τι ἀπὸ τῆς ἀληθείας).

Однако такая стратегия изначально предполагает понимание мимесиса в «Государстве» как понятия, с которым Платон каким-то образом работает. А это положение весьма спорно. Можем ли мы с равной степенью уверенности говорить о существовании «понятия μίμησις» и мимесиса как такового в платоновском диалоге? Мы видим, что Платон говорит о влиянии мимесиса на душу человека и общество в целом. Более того, мы видим, что сам Платон искусно применяет мимесис в своем произведении. Мы имеем богатую историю слова μίμησις, берущую свои истоки еще в архаических культах, мистериях и, затем, в театральных действиях. И разумеется, мы имплицитно подразумеваем эту историю, рассматривая то, как Платон обращается с этим словом. Но можем ли мы возвести это слово до уровня понятия?

И здесь намечается возможность для еще одной стратегии: мы можем отметить миметический подход к самому диалогу, и увидеть в нем необычную игру с читателем. Вызывает интерес гипотеза И. А. Протопоповой о том, что Платон, показав пример истинного уподобления, идеального мимесиса, оправдал искусство⁸. Тогда осуждение живописи и то, что «на протяжении всего диалога Сократ и его собеседники создают свое государство именно как “живописцы” и “ваятели”», — не противоре-

⁷ Tate J. «Imitation» in Plato's Republic // The Classical Quarterly. Vol. 22. № 1, 1928. Jan. P. 16–23.

⁸ Протопопова И. А. «Государство» Платона — идеальный мимесис? // Логос. М., 2011. № 4 (83). С. 100.

чие, а следование единой миметической стратегии. И в таком случае, отнесись мы серьезно к такому словесному творению, мы ограничились бы восприятием только внешности — т. е. как раз то, что Платоном осуждается. Кажется маловероятным, что Платон был не в состоянии заметить таких противоречий. И, хотя такая трактовка диалога является провокационной, зато она отвечает излюбленному платоновскому тезису о том, что каждому предмету соответствует свой логос. И кажется, разговору о мимесисе действительно соответствует сплошное подражание.

Очевидно, что *mimesis* являлся проблемой и для самого Платона, и для всех, кто делал попытку рефлексии как над диалогом «Государство», так и над корпусом платоновских текстов вообще. «Государство» — диалог-загадка, его можно интерпретировать с самых разных позиций и трудность его понимания состоит в том, что он вполне приемлет несколько таких позиций. Мы можем относиться к нему как к стандартному философскому трактату — и тогда проблема мимесиса может либо привести нас к множественным противоречиям и осуждению Платона, либо к какой-либо из «теорий подражания», будь то теория творческой интерпретации божественной истины или классификация разных типов подражания. Или мы можем применить «взгляд с точки зрения мимесиса» к самому диалогу и увидеть в нем необычную игру с читателем. И тот и другой подход как открывает одни перспективы, так и закрывает другие: первый дает возможность научно-теоретического анализа, но не позволяет взглянуть на диалог как на самостоятельное произведение искусства мастера. Второй же позволяет вдоволь насладиться «миметической игрой», однако нужно помнить, что, как остроумно отметил Е. В. Маковецкий, «это самая неблагоприятная задача: истолковывать ту иронию, которой, возможно, никогда и не существовало»⁹.

ЛИТЕРАТУРА

1. Pappas N. Plato's Aesthetics. The Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2008. <http://plato.stanford.edu/entries/plato-aesthetics/>
2. Tate J. «Imitation» in Plato's Republic // The Classical Quarterly. Vol. 22. № 1. 1928. Jan. P. 16–23.
3. Verdenius W. J. Mimesis: Plato's doctrine of artistic imitation and its meaning to us. Leiden, 1972.
4. Маковецкий Е. В. Подражание у Платона, или Чем философ лучше художника? // Вестник Русской Христианской гуманитарной академии. СПб., 2010. Т. 11. Вып. 4. С. 60–64.
5. Маковецкий Е. В. Мимесис в платоновском «Государстве» // Античный мимесис: Сборник статей, посвященных памяти проф. К. А. Сергеева. СПб., 2008. С. 40–88.
6. Платон. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1993–1994.
7. Протопопова И. А. «Государство» Платона — идеальный мимесис? // Логос. М., 2011. № 4 (83). С. 89–100.

⁹ Маковецкий Е. А. Подражание у Платона, или Чем философ лучше художника? // Вестник Русской Христианской гуманитарной академии. СПб., 2010. Т. 11. Вып. 4. С. 64.